12. GAOO.1014.Op.7.D.310.L.117;CDNIOO.F.371.Op.9.D.48.L.88; GAKO. F.1591. Op.2. D.57.L.51.
13. Za krepkogo, vynoslivogo verhovogo konja // Sol'-Iletskaja kommuna. Organ Sol'-Iletskogo rajkoma VKP (b) i rajsoveta deputatov trudjashchihsja Chkalovskoj oblasti. 1943. 11 ijunja.
14. Iz postanovlenija Sovnarkoma SSSR i CK VKP(b) // Kolhoznaja tribuna. Organ Grachevskogo rajkoma VKP(b) i rajsoveta deputatov trudjashchihsja Chkalovskoj oblasti. 1942. 19 marta.
15. *Ivanov A. K.* Otlichnik konevodstva // Kommunisticheskij trud. Organ Ilekskogo rajkoma VKP(b) i rajsoveta deputatov trudjashchihsja Chkalovskoj oblasti. 1944. 12 oktjabrja.
16. *Kozhevnikov E. V., Gurevich D. Ja*. Otechestvennoe konevodstvo: istorija, sovremennost', problemy. M.: Agropromizdat, 1990. 221 s.
17. OGACHO.F.288.Op.4.D.347.L.54,55.
18. OGACHO.F.1491.Op.1D.91.L.91.
19. OGACHO.F.1491.Op.1.D.91.L.82.
20. OGACHO.F.1491.Op.1.D.91.L.99.
21. OGACHO.F.1491.Op.1.D.91.L.64.
22. *Hisamutdinova R. R*. Sel'skoe hozjajstvo Urala v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: Maloizvestnye stranicy. Orenburg: Izd-vo. Orenb. gos. ped. Un-ta, 2002. 300 s.
23. *Safonov A*. Bol'she vnimanija konevodstvu // Chkalovskaja kommuna. 1943. 15 dekabrja.
24. *Serebrjakov P.* Neustanno zabotit'sja o razvitii konevodstva // Chkalovskaja kommuna. 1941. 11 nojabrja.
25. OGACHO.F.1491.Op.1.D.91.L.57,108; GAOO.F.1014.Op.7.D.310.L.151;D.314.L.192; Centr dokumentatsii novejshej istorii Orenburgskoj oblasti (dalee — CDNIOO). F.371.Op.9.D.10.L.30; GAKO. F.1607. Op.1.D.86.L.9.
26. *Hisamutdinov U*. Nashi uspehi // Kommunisticheskij trud. Organ Ilekskogo rajkoma VKP(b) i rajsoveta deputatov trudjashchihsja Chkalovskoj oblasti. 1944. 1 ijunja.
27. CDNIOO.F.1697.Op.1.D.673.L.34,35.
28. [Jelektronnyj resurs].URL: http://ippodromkurgan.ru/view.php?id=1

Б. Е. Глазков

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ ВОРОНЕЖСКОГО ОКРУГА В 1928-1929 гг.

Проблему социально-политической истории Центрально-Черноземной области в 1928–1934 гг. исследовали П. В. Загоровский, Ю.С. Кукушкин, П. Н. Шарова, Б. О. Воронков, О. Н. Мигущенко, И. М. Чвикалов. Наряду с этим актуальность темы нашего исследования определяется необходимостью комплексного изучения основных показателей общественно-политических настроений населения Воронежского округа в период перевыборной кампании 1928–1929 гг. для устранения целого ряда пробелов, связанных с представлениями об историческом развитии Центрального Черноземья.

Ключевые слова: общественно-политические настроения, принудительная сплошная коллективизация сельского хозяйства, раскулачивание крестьянства, обязательные хлебозаготовки.

B. Glazkov

THE BASIC INDICATORS OF SOCIAL AND POLITICAL MOOD OF THE VORONEZH REGION POPULATION IN 1928-1929

The issue of socio-political history of the Central Chernozem zone in 1928–1934 was studied by P. V. Zagorovsky, J. S. Kukushkin, P. N. Sharova, B. O. Voronkov, O. N. Miguschenko, I. M. Chvikalov. In addition, the relevance of the research is defined by the need in

a comprehensive study of the basic indicators of socio-political mood of the Voronezh Region population during the re-election campaign of 1928–1929 to eliminate the gaps associated with understanding of the Central Chernozem zone historical development.

Key words: socio-political mood, total forced collectivization of agriculture, dispossession of peasantry, compulsory grain procurement.

Важным и интересным для нас представляется исследование следующих вопросов: характеристика элементов общественно-политических настроений населения; основные факторы, влиявшие на общественно-политические настроения населения; проблемы взаимодействия населения и партийно-государственного руководства.

Следует отметить, что рассмотрение элементов общественно-политических настроений населения требует особого рода источников, отвечающих критериям достоверности и объективности. Далеко не из всех исторических источников можно почерпнуть сведения об общественном сознании населения, состоящего из настроений, взглядов, убеждений, желаний, интересов. Наиболее полно это можно сделать на основании секретных донесений о политических настроениях граждан.

В первую группу таких настроений, безусловно, необходимо поставить отношение сельского населения к аграрной политике советской власти. Все, что связано с сельским хозяйством, для крестьян имело первостепенное значение. Отношение к государственной политике в области сельского хозяйства со стороны крестьянства характеризуется ярко выраженным недовольством проводимыми хлебозаготовками и сельхозналогом.

Документы архивов сохранили множество свидетельств, подтверждающих этот факт. Примером может быть характеристика настроений крестьянства, данная в докладе начальника Областного административного отдела Центрально-Черноземного исполнительного комитета от 21 июня 1929 года руководству области: «В связи с проведением хлебозаготовительных кампаний по районам Воронежского округа, крестьянское население весьма враждебно настроено по отношению к советской власти, за исключением весьма малого процента бедноты. На приезд какого-либо представителя отзываются, как о грабителе, приехавшем грабить их хозяйство. Настроение апатичное... Собираясь между собой, говорят “Сейчас они разоряют сильные хозяйства, ... а когда не станет сильных хозяйств, то возьмутся за середняцкие, они будут стричь до конца, чтобы мы раз навсегда отказались заниматься сельским хозяйством отдельно и пошли в коммуну, в барщину, где нас будут эксплуатировать точно рабов, к этому и идет, а кто за нас что скажет, то его выгоняют из партии, со службы долой”» [8, л. 152].

Во вторую группу настроений можно выделить недовольство крестьян лишением избирательного права, отстранением их от участия в политической жизни региона и страны в целом.

Следует учитывать, что в данный период лишение избирательных прав не имело под собой прямого политического подтекста (имеется в виду возможный проигрыш большевиков на выборах). В самый разгар массового лишения избирательных прав доля лишенцев не достигала и 10% от численности взрослого населения. Следовательно, «лишенцы» не могли представлять для большевиков реальной политической угрозы. С точки зрения С. А. Красильникова [4, с. 53], «причины и мотивы того, почему по мере упрочения своего положения в обществе большевики не только не ослабляли ограничительных мер, но и усиливали их (во второй половине 1920-х годов численность «лишенцев» возросла, а состав усложнялся), лежали в другой плоскости». В ряде случаев «лишенченство» выступало в качестве меры, сопутствующей осуществлению репрессий.

В третью группу настроений крестьян входит недовольство антирелигиозной политикой. Формирование в СССР, а, следовательно, и в Воронежском округе, нового типа социальной психологии было неразрывно связано с активной антирелигиозной деятельностью. Как известно, советская власть всемерно стремилась уменьшить влияние религии на общественное сознание, низвергнуть многие христианские заповеди, подчинить себе церковных иерархов и рядовых священников.

Далеко не всегда местные жители мирились с насильственным закрытием церквей. В тех случаях, когда верующие выступали с активным протестом против произвола, административные органы использовали более сложную тактику. Они расторгали с членами прихода «договор на пользование культовым зданием». Подобные действия обычно объяснялись неуплатой штрафов и различных налогов. Таким способом была закрыта Петропавловская (Крестовоздвиженская) церковь в Воронеже [1, л. 9].

Последняя, четвертая, группа настроений состоит в отношении крестьян к ВКП(б) и к существующей системе советской власти.

Мы считаем возможным выделить отдельно отношение крестьян к ВКП(б) и к советской власти потому, что и в царской России земледельцы были недовольны безземельем и малоземельем, налоговым гнетом. Однако большинством историков отмечалось, что у сельского населения были весьма развиты «царистские иллюзии», вера в доброго царя, который не знает о творимых местными чиновниками и помещиками беззакониях. В годы коллективизации также имели место письменные обращения крестьян к высшему руководству страны, в том числе лично к Сталину, с просьбой помочь, навести порядок, не давать осуществляться несправедливости. Однако можно утверждать, что с началом сталинских аграрных преобразований «царистские иллюзии» у крестьян практически полностью разрушились.

Сложность и трагичность позиции крестьянства заключалась в том, что оно могло терпеть многие лишения, не протестуя активно против ограничений политических прав, при одном только условии: «советская власть предоставит крестьянам экономическую свободу и создаст благоприятные условия для занятия сельским хозяйством». Серия высказываний конца 1928 г. — тому подтверждение: «советская власть хорошо поступила, что облегчила налог середнякам, скидка хотя и небольшая, но дорого то, что она помнит и облегчает положение крестьян»; «советская власть в данный момент путем облегчения крестьянству сельскохозяйственного налога приобрела себе много сторонников в деревне...» [9, л. 3].

В общественном сознании населения Воронежского округа ВКП(б) и советская власть стали синонимами. Употребление этих понятий стало взаимозаменяемым, что ясно видно по зафиксированным высказываниям. Среди жителей Воронежского округа бытовало мнение о том, что партия коммунистов — это замкнутая группа людей, обладающих особыми привилегиями, дистанцировавшихся от народа, заботящихся только о своих узко групповых интересах. Вот, к примеру, зафиксированные в конце 1928 г. суждения крестьян о партии ВКП(б): «Власть и партия действуют неправильно ... у нас члены ВКП(б) ... пьянствуя, растратили порядочную сумму казенных денег, к ответственности таковых не привлекают, тогда как если бы растратили эту сумму беспартийные, то их бы сразу посадили в тюрьму» [10, л. 7].

Следует отметить, что для Центрального Черноземья, так же как и для страны в целом, было характерно следующее расслоение деревни. В 1926–1927 хозяйственном году среди лиц самодеятельного населения деревни середняки составляли 62,7%, бедняки — 22,1%, кулаки — 3,9%, и сельские пролетарии — 11,3%.

Установлено, что специфика общественно-политических настроений населения

Центрального Черноземья в 1928–1929 гг. определялась абсолютным преобладанием крестьянства в его составе. В условиях развертывания в Центрально-Черноземной области сплошной коллективизации сельского хозяйства и распространения других форм массовых государственных репрессий социальная психология оказалась принципиально важным фоном политических преобразований. Потеря социального статуса индивидуального товаропроизводителя, отделение от земли как основного средства производства, внеэкономическое принуждение к труду обусловили переход рядового крестьянства на качественно иной психологический уровень. Такой переход стал следствием как насильственных действий, так и исторических особенностей формирования общественной организации крестьянского бытия, крепостного права и самодержавия. Аграрная политика партийно-государственного руководства страны и Воронежского округа в 1928–1929 гг. противоречила интересам большей части крестьянства. Тем не менее общественное сознание российского населения вынужденно приняло административно-бюрократическую репрессивную форму социально-политического устройства [2, с. 105].

В конце 1920-х годов в Центрально-Черноземной области, и Воронежском округе в частности, объективно существовало открытое противостояние большей части населения и партийно-государственного руководства. В рассматриваемый период правительственная политика во многом последовательно трансформировалась в форму массовых репрессий. Следует отметить, что составными частями государственных репрессий в Центральном Черноземье явились: во-первых, принудительная сплошная коллективизация сельского хозяйства; во-вторых, раскулачивание крестьянства; в-третьих, обязательные хлебозаготовки.

Таким образом, партийно-государственное руководство страны и Центрально-Черноземной области целенаправленно объединило во времени репрессии против различных слоев населения региона ради более полного распространения всестороннего контроля над обществом и его сознанием.

Интересным представляется исследование проблемы взаимодействия населения Воронежского округа и партийно-государственного руководства в 1928–1929 гг. на примере Бабровско-Дворского района. Район по своей экономике заметно выделялся из прочих районов Воронежского округа. Достаточно указать на такие данные, как наличие в районе всего только 21% безлошадных, при среднеокружной — 47%, и такую обеспеченность сельхозинвентарем, как один плуг на три двора, одна железная борона на три-пять дворов, одна конная молотилка на 25 дворов, одна веялка на пять дворов и т. п. В соответствии с этим в значительном большинстве сельских районов процент бедняцких дворов колебался от 8% до 15%, что не исключало, однако, наличия ряда сельских районов весьма маломощных с количеством бедноты от 25 до 50% [5, с. 17].

Как осуществлялось партийное руководство работой среди бедноты? Формально, с точки зрения бумажного партийного руководства работой среди бедноты, районным партийным комитетом было сделано немало. С начала районирования райком несколько раз заслушивал доклады и принимал резолюции, в которых систематически отмечались слабость и отсутствие работы сельских ячеек среди бедноты [7, с. 20].

Но все дело в том, что за этими резолюциями не следовало живое дело проверки на месте и практической помощи ячейкам в организации бедноты. К тому же, районный комитет давал совершенно неправильную установку, идущую вразрез общепартийным директивам: «Создавать группы бедноты там, где есть к тому условия и обеспеченность руководства» [5, с. 18].

Более того, на Открытом партийном собрании в деревне Русановке по докладу об

участии бедноты в социалистическом строительстве бедняк Гуляев говорил: «Откуда берется беднота, этому сама власть помогает, как живут 3–4 брата, так скорей делятся, а то их налогом жеманут, а если по одному будут, то ничего». «По самообложению у нас отменные порядки: бедняк сельхозналог не платит, а по самообложению обкладывают, как кулака» [5, с. 19].

Это заявление Гуляева связано с тем, что ряд сельсоветов района (Русановка, В. Дубровка и др.) установили число паев по самообложению и разверстали на бедноту, которая не платит сельхозналога [5, с. 20].

Кроме того, бедняк с. В. Дубровка Поляков на сельском сходе при обсуждении вопроса о хлебозаготовках заявлял: «Над нами, беднотой, больше насмехаются. Землю отрезали, как нарочно, всей бедноте самую худшую и дальнюю за 7 верст на «Сибарей» и теперь тычут на нас пальцем, что мы лодыри и не умеем вести хозяйство» [5, с. 21].

Выясняется, что таким заявлениям не придется особенно удивляться, если послушать, что говорил секретарь Дубровской ячейки, он же председатель совета, Шишкин. На заседании сельсовета в своем докладе об итогах весенней посевной кампании Шишкин заявлял: «Беднота несознательна, говорю, бери мешок, идем собирать» (речь идет о семенах картофеля для посева. — *Б. Г.*), «беднота бьет на шик», — «осенью все ссыпает, а потом жрать нечего, бедняк лентяй, лодырь, не хочет работать» [5, с. 22]. Отметим, что это говорил член партии с 1926 года, не зажиточный, и даже не середняк, а самый что ни на есть бедняк.

Необходимо сказать, что сравнительные данные о составе сельсоветов показывают следующее: 1927 год — бедняков — 38,38%, середняков — 54,03%, зажиточных — 7,59%; 1929 год — бедняков — 46,47%, середняков — 41,81%, зажиточных — 11,72%. Более тщательный подсчет показал такой состав сельсоветов района: бедняков и маломощных середняков — 24,5%, середняков — 63,78%, зажиточных — 11,72% [11, с. 80].

В итоге, из 42 сельсоветов района в составе 11 не было ни одного бедняка, в четырех сельсоветах — всего лишь по одному бедняку, в пяти — по два бедняка, в девяти — по три бедняка. Следовательно, такой состав сельсоветов во всех отношениях очень неблагоприятно сказывался на всей практической работе в районе. В ряде сел проявлялось открытое кулацкое засилье [6, с. 134].

Следует учесть, что к директивам сверху сельсоветы относились так: «пусть пишут». По большей части, секретари сельсоветов — люди чуждые, пьяницы, но они занимают монопольное положение, так как их некем было заменить. Например, Сергеевский сельсовет вынужден был взять на работу секретаря (однажды уже прогнанного), который при обращении к нему граждан заявлял, что чернила густые, их нужно разбавить и, конечно же, водкой.

Следовательно, социальный состав сельсоветов и работа сельсоветов района, через которые приходилось осуществлять политику партии и советской власти, оставляла желать лучшего. Все это являлось следствием низкого качества партийного руководства.

В связи с этим нам необходимо остановиться на морально-идеологическом состоянии партийных организаций.

Само собой, можно не сомневаться в том, что если бы партийная организация была морально и идеологически здоровой, если бы партийное руководство в районе давало правильное политическое направление, то подобных извращений партийной линии во всех отраслях работы было бы намного меньше.

Следует заметить, что парторганизация непрерывно находилась в состоянии склоки на почве местничества, половой распущенности, подсиживания и стремления отдельных членов партии занять местечко повыгоднее для себя [3, с. 203].

Таким образом, проведенные исследования показали, что противостояние населения и партийно-государственного руковод-

ства Воронежского округа в 1928–1929 гг. было очевидным. Усугублялось это тем, что, во-первых, принимаемые партией резолюции практически не выполнялись на местах, т.е. слова далеко расходились с делом; во-вторых, морально-психологическое состояние самих партийных организаций было на низком уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГАВО, Ф. 1439, Оп. 3, д. 32, л. 9.

2. *Загоровский П. В.* Социально-политическая история Центрально-Черноземной области: 1928–1934. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1995. 152 с.

3. Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Черноземной области (1927–1937 гг.). Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство. 1978. 250 с.

4. *Красильников С. А.* На изломах социальной структуры: Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 —конец 1930-х гг.). Новосибирск, Изд-во: НГУ, 1998. 200 с.

5. *Молчановский М.* Правый уклон на практике. Ленинский путь. (Двухнедельный журнал Центрально-Черноземного областного комитета ВКП(б). № 19. 15 октября 1929 г. С. 17–24.

6. Очерки истории Воронежской области. Воронеж. 1967. 205 с.

7. *Панова В. И.* История Воронежского края: Учебно-методическое пособие. 4-е изд., доп. Воронеж: Родная речь, 2001. 287 с.

8. ЦДНИВО, Ф. 2, Оп. 1, д. 508, л. 152.

9. ЦДНИВО, Ф. 2, Оп. 1, д. 514, л. 3.

10. ЦДНИВО, Ф. 2, Оп. 1, д. 514, л. 7.

11. *Чвикалов И. М.* Некоторые аспекты характера общественно-политических настроений крестьянства на завершающем этапе НЭПа //Воронежское краеведение: опыт и перспективы развития. Воронеж, 1990. С. 78–82.

REFERENCES

1. GAVO, F. 1439, Op. 3, d. 32, l. 9.

2. *Zagorovskij P. V.* Sotsial'no-politicheskaja istorija Tsentral'no chernozemnoj oblasti: 1928–1934. Voronezh: Izd-vo VGU, 1995. 152 s.

3. Kollektivizatsija sel'skogo hozjajstva v Tsentral'no-Chernozemnoj oblasti (1927–1937 gg.). Voronezh: Tsentral'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo. 1978. — 250 s.

4. *Krasil'nikov S. A.* Na izlomah sotsial'noj struktury: Marginaly v poslerevoljutsionnom rossijskom obshchestve (1917 — konec 1930-h gg.). Novosibirsk, Izd-vo: NGU, 1998. 200 s.

5. *Molchanovskij M.* Pravyj uklon na praktike. Leninskij put'. (Dvuhnedel'nyj zhurnal Tsentral'no-Chernozemnogo Oblastnogo Komiteta VKP(b). № 19. 15 oktjabrja 1929 g. S. 17–24.

6. Ocherki istorii Voronezhskoj oblasti. Voronezh. 1967. 205 s.

7. *Panova V. I.* Istorija Voronezhskogo kraja: Uchebno-metodicheskoe posobie. 4-e izd., dop. Voronezh: Rodnaja rech', 2001. 287 s.

8. CDNIVO, F. 2, Op. 1, d. 508, l. 152.

9. CDNIVO, F. 2, Op. 1, d. 514, l. 3.

10. CDNIVO, F. 2, Op. 1, d. 514, l. 7.

11. *Chvikalov I. M.* Nekotorye aspekty haraktera obshchestvenno-politicheskih nastroenij krest'janstva na zavershajushchem etape NEPa // Voronezhskoe kraevedenie: opyt i perspektivy razvitija. Voronezh, 1990. S. 78–82.